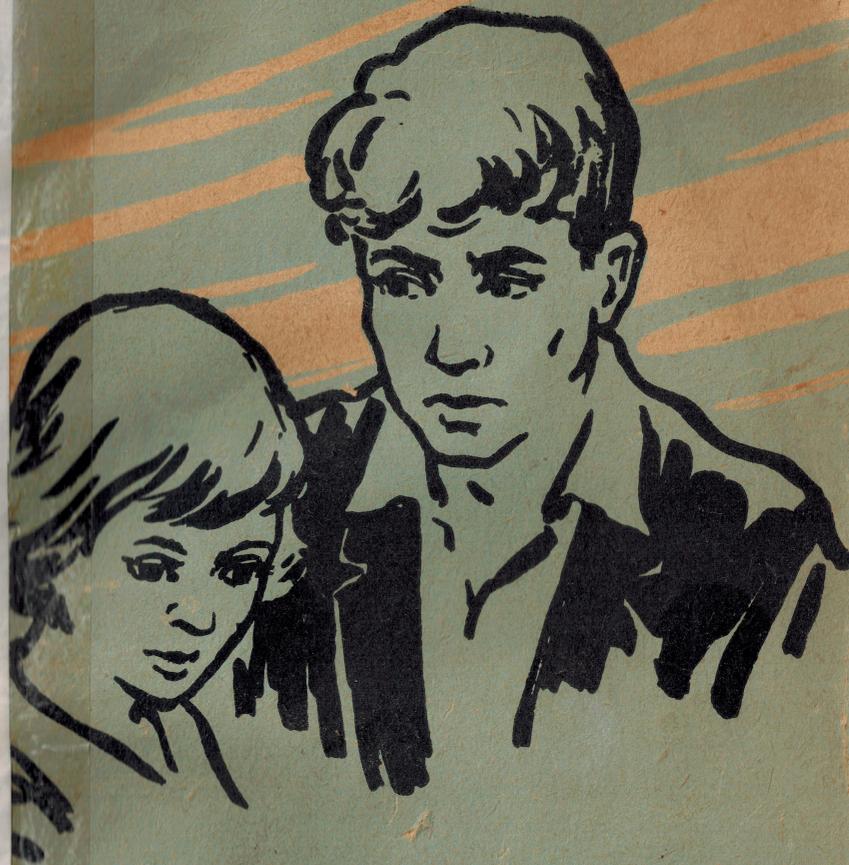

3 коп.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

СВЯЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

В. ВОЛОСКОВ

ЭГОИСТКА

СВЯЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

Евгений Раффилов
• Марш Васильев
на Софью на миде
Софья

13.01.63.

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

В. ВОЛОСКОВ

ЭГОИСТКА

Эп. К.

Пермское
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

№ 14
Волосков.

Недавняя десятиклассница Леночка работает на стройке. Она ждёт, что Валерка Сучков скажет ей те слова, которые изменят всю её жизнь. Он ведь уже предупредил её, что ему нужно серьёзно поговорить с ней по важному делу. Но решительному разговору помешало происшествие на стройке. Леночка проявила себя как человек, которому дороги государственные интересы, которому дорого общественное добро. А она считает себя эгоисткой, потому что думает не о том, что произошло на стройке, — ей кажется, что она ничего особенного не сделала, — а о том, что не услышала самых главных слов... Но разговор и не понадобился.

Автор рассказа Владимир Васильевич Волосков родился в 1927 году в Омутнинске Кировской области в семье военнослужащего. С детских лет жил и учился в Свердловске. В 1944 году ушёл добровольцем во флот, продолжал учиться — в военных школах, затем служил в различных частях военно-морских сил. После демобилизации в 1950 году работал в геологических партиях, начав с ученика коллектора. В 1950 году вступил в ряды КПСС. С 1953 года был начальником ряда гидрогеологических партий — Тюменской, Пермской, Курганской. В результате несчастного случая в 1955 году жестоко заболел. Парализован. Заново учился писать, стал пробовать себя в литературе. Живёт сейчас в городе Верхняя Пышма Свердловской области. В 1961 году в Пермском книжном издательстве в серии «Рассказы о советских людях» вышла в свет его первая повесть «Сыч». В том же году в Свердловске отдельным изданием вышел рассказ «Мишка Кайнозой». Рассказы Волоскова напечатаны в журнале «Урал», в газете «Советский спорт».

Леночка оглядела себя в зеркале. Белокурая стройная девушка, обтянутая бордовым платьем, ей очень понравилась. Она ещё раз одёрнула на себе это новое платье и, поправив на груди брошку, обернулась к подружкам:

— Ну как, девчонки?

Зина и Ирка только восторженно взвизгнули, а Надежда, ошеломлённо поморгав карими глазками, сказала, позабыв искривить губы:

— Ну, теперь совсем зазнаешься. Тщеславия в тебе, знаешь...

От этих слов Леночке стало ещё веселее. Если ворчливая Надежда, «девка со скепсисом», как говорит Валерка, не решилась сказать что-нибудь поязвительнее, значит, действительно здорово, значит, платье удалось.

Громко распевая, Леночка провальсировала по комнате и, ловко подобрав подол, чтобы не измять платье, шлёпнулась на стул.

— Какая ты красивая, Ленка! — вздохнула Зина и чмокнула её в щёку.

Леночка зажмурилась и тоже вздохнула. Улыбаясь, она взглянула в распахнутое окно на солнечное утро, разлившееся золотисто-голубым небом, маслянистой зеленью берёз и свежестью лёгкого таёжного воздуха.

Сегодняшнее воскресенье было наполнено для Леночки особым смыслом, каким-то особым радостным предчувствием; даже ночью она ждала этого утра, видела, кажется, его во сне. И вовсе не потому, что она впервые за свои девят-

надцать лет сшила себе дорогое платье и, подзавя у подруг денег, купила «настоящие» туфли на высоких каблуках, в которых впервые собиралась выйти на люди...

Леночка ещё раз посмотрела в зеркало, потом на спинку кровати, на которой висели её повседневные платье и сарафан, и опять вздохнула.

— Нет, ты вправду здорово красивая, Ленка! — повторила Зина и снова чмокнула её в щёку.

И Леночка теперь знала, что подруга говорит правду. Только сейчас, у зеркала, она поняла это. Когда вместо знакомой невысокой девчонки в мешковатом заношенном сарафане на неё глянула стройная, изящная девушка, что-то сладко ёкнуло внутри Леночки и наполнило её гордым удивлением.

— Ну, Валерка от удивления остолбенеет! — восхищённо заплясала на кровати Ирка. — Умрёт на месте!

— Подумаешь... — вспыхнула Леночка. — Нужен мне ваш Валерка.

— Не лицемерь. У самой, поди, поджилки трясутся от радости. Курица! — обрезала Надежда и на этот раз удачно искривила губы.

Если бы она говорила неправду, Леночка, может быть, и обиделась бы, но Валерка действительно имел к ней кое-какое отношение. Поэтому, ещё гуще покраснев, она только огрызнулась:

— Не кривись. Всё равно никто не верит, что ты злая и проницательная.

Теперь покраснела Надежда.

Валерка, здоровенный, медлительный парень, и вправду нравился Леночке, но в этом она не только другим, но и себе самой ни за что бы не

призналась, если бы вчера вечером он с очень серьёзным выражением на широкоскулом лице вдруг не объявил ей, что зайдёт утром и что им надо о чём-то поговорить — очень неотложном и страшно важном. Говоря это, он заикался, мямлял в огромных ладонях и конфузливо переступал с ноги на ногу. Конечно, Леночка поняла, в чём дело.

Смешной этот Валерка. Он очень высокий и очень неповоротливый и издали похож на неуклюжего, вставшего на дыбы медведя. Это неудивительно. Он коренной таёжник, местный житель. У него лохматый, не поддающийся расчёске чуб, ровный, под линейку, нос со сросшимися на переносице чёрными бровями и удивительно спокойные большие-большие глаза. Леночке иногда казалось, что в этих глазах можно выкупаться, до того они были озёрно-синие, излучали какое-то душевное тепло и вызывали доверие к себе.

Никто, даже сама Леночка, не помнит, когда Валерка первый раз заглянул к ним в комнату по какому-то общественному делу, но то, что он постоянный гость и «шеф» шестнадцатой комнаты, знали все на стройке. Если бы это был кто-нибудь другой — иное дело, можно бы и не знать, но ведь это Валерка Сучков, классный экскаваторщик, известный силач и самый нелепый кавалер на сто вёрст в округе. Когда такая неуклюжая фигура появляется под окнами женского общежития, даже гражданин ясельного возраста понимает, в чём тут дело. И все действительно понимали, кроме двух человек: самого Валерки и... Леночки.

Нет, Валерка и вправду смешной. Он приходил к девочкам в комнату, садился у стола и

сразу загромождал своей широкоплечей фигурой всё свободное пространство. Всем сразу становилось тесно, всем он мешал, и девчата бесцеремонно гоняли его со стула на стул до тех пор, пока это им не надоело. Валерка со спокойной улыбкой в светлых глазах переносил эти дружелюбные придирки и только пыхтел да кричал, перебираясь с места на место. Когда же его оставляли в покое, он подвигался ближе к Леночке и скупно спрашивал:

— Ну как?

И каждый раз Леночка каким-то шестым чувством угадывала, что именно в этот раз он имеет в виду. Ей было хорошо с ним рядом... и только. Но вчера...

Когда после работы она возбуждённо вбежала в комнату и, еле раздевшись, кинулась на постель, девчата почему-то сразу поняли, в чём дело.

— Конец Помпеи! — объявила Ирка.

— Объяснились? — ахнула Зина.

— Рассказывай ты, Джульетта! — потребовала Надежда.

— Нечего рассказывать. Ничего не случилось, — попробовала было отмахнуться Леночка, но не смогла сдержать счастливой улыбки.

— Терпеть не могу, кто больше меня врёт! — налетела на неё Ирка.

— Давай сплетничай! — подседа с другой стороны Надежда.

— Девчонки, всё ясно! Она выйдет замуж за этого мамонта! — подытожила Зина, когда Леночка всё рассказала.

— Ясное дело, — согласилась Надежда.

— И ничего подобного! И вовсе не пойду!

И не в этом дело! — горячо запротестовала Леночка. — И вовсе дело тут общественное...

Она долго и горячо убеждала подруг ещё в чём-то подобном, но её никто не слушал, и всё, что она говорила, говорила скорее для себя самой, чем для них, хотя совершенно не верила тому, что говорила. После этого Надеждиного «ясное дело» она вдруг осознала, что дело действительно ясное, что Валерка давно ей дорог, как никто.

В дверь нерешительно постучали. По стуку Леночка сразу поняла, что это он.

— Кто там? — закричала Ирка.

— Нельзя, — почему-то сказала Леночка.

— Вваливайся, раз припёрся! — властно разрешила Надежда.

Валерка вошёл и конфузливо сделал какое-то подобие поклона.

— С добрым утром... Я тут к вам... Дело одно... — смущённо замямлил он.

— Тоже мне... светский лев! Садись уж, пока не выгнали, — усмехнулась Надежда.

— Да нет... Некогда... — ещё больше оробел Валерка и, искоса взглянув на Леночку, судорожно сглотнул. На его лице застыло бесхитрое выражение удивления, восхищения и ещё чего-то такого, от чего девчата громко расхохотались, а Леночке стало и жарко и... сладко.

— Что, съел?! — восторженно взвизгнула Ирка, наслаждаясь его изумлением. — Высший класс! Знай наших!

Ещё больше теряясь, переступая с ноги на ногу, Валерка продолжал с обожанием рассматривать Леночку, забыв все нужные слова, вызубренные по дороге к общежитию. Его беспомощность привела девчат в буйный восторг.

— Ленка, убирай своё чучело, а то помру, — стонала Надежда. — Ой, уморил.

Вспыхнув, Леночка схватила Валерку за руку и кинулась из комнаты.

— Ну их... Пойдём отсюда!

Только отбежав достаточно далеко от общепития, они передохнули и, посмотрев друг на друга, оба покраснели. Валерка одёрнул модный пиджак и уставился на свои большущие руки — он не знал, куда их девать. «Ну что же он...» — беспомощно подумала Леночка, тоже не зная, что говорить и делать. Но Валерка нашёлся. Поборов робость и сделав над собой усилие, он с решимостью заглянул Леночке в глаза и взял её за руку.

— Пойдём, погуляем?

— Пойдём, — сразу согласилась она.

И они, взявшись за руки, пошли по залитой утренним солнцем дороге, совсем не думая, куда и зачем идут. Леночка оглядывалась по сторонам, и земля, одетая в зелень, обрызганная прошедшим рано утром дождём, казалась ей прекрасной и счастливой. Лёгкий ветерок гулял по травам и играл в раскидистых кронах берёз, заставляя сочную молодую зелень трепетать и перемигиваться с ясным голубым небом. Лучи солнца яркими пятнами ложились на лес, дрожали в сверкавших лужах, а в терпком, смолистом воздухе стояла такая свежесть, что Леночке захотелось скинуть свои новые туфли и босиком заплясать по этой зелени, по этим лужам.

— Ненормальная эта ваша Надька, — нашёлся наконец Валерка, искоса поглядывая с высоты своего роста на светлую Леночкину голову. — И жаргон у неё какой-то не девичий... Воображает!

— И ничего она вовсе не воображает. Ты её просто не понял, — горячо заступилась Леночка. — Это она так... Чтобы скрыть, какая она добрая и... и какая плакса. Строит из себя львицу, а сама... Мне кажется, она просто страшно трусит быть самой собой. Наверно, над её плаксивостью в школе много смеялись, вот она и играет во взрослую, в бывалую, — улыбнулась Леночка.

— Возможно, — подумав, согласился Валерка, и они опять замолчали.

Леночка лёгкой, неслышной поступью шла рядом с Валеркой, и ему казалось, что она невесома, как пёрышко, что она не идёт, а скользит, как бесшумно скользит его большая тень по изумрудной скатерти травы.

— Знаешь... Я хотел тебе сказать... — волнуясь, начал Валерка. — Как тебе сказать...

— Да? — напрыглась Леночка.

— Ага... Хотел сказать... Я ведь, знаешь, всё же экзамены за первый курс сдал! — безнадёжно махнул он рукой.

— Да? — изобразила удивление Леночка. Это было и ей, и всем давно известно.

— Ага, — сказал Валерка и опять замолчал.

Она посмотрела на его беспомощное лицо, и неожиданное чувство нежности к этому огромному, такому беззащитному сейчас парню охватило её.

Хотя нет, Валерка не беззащитный... Леночке вспомнилось вдруг, как зимой, окончив в учебном комбинате треста курсы машинистов башенных кранов, она приехала сюда на стройку. Долго стояла на дороге и «голосовала», но машины не останавливались. Начинало темнеть, Леночка замёрзла, и ей стало жутко на незнакомой таёжной дороге, по которой поползли зловещие

вечерние тени. Откуда-то издалека, из мрачной, чёрной глубины тайги нёсся к морозному чернильному небу неясный, глухой гул. Леночка оглянулась на приземистые здания лесного полустанка, возле которого пыхтел заиндевелый маневровый паровозик «овечка», вспомнила, что у неё нет денег на обратный путь, села на чемодан и заплакала от страха и от жалости к самой себе.

Вдруг чьи-то сильные руки подняли её и басистый голос, рывкнувший, как пушка, над самым ухом, заставил вздрогнуть:

— Эй, на стройку?

— Да, — вскинула Леночка голову и увидела перед собой высоченного парня в ватнике, а невдалеке — остановившуюся автомашину.

— Тоже мне. Какой же шофёр тебе машину в этом сугробе остановит, — ворчал парень, подсаживая Леночку в кузов. — Нашла место голосовать. Тут забуксуешь — век не вылезешь.

Когда машина тронулась, он удивлённо осмотрел Леночкино старенькое пальто, вытертую шаль, бывшую когда-то оренбургской, и скептически поджал розовые губы:

— М-да... Обмундирование — что надо...

Окинув взглядом развалившихся на соломе пассажиров, он вдруг дёрнул усатого молодца за ворот тулупа.

— Ну-ка, Ефим, встряхайся!

— Ну да! Держи карман шире.

— Встряхайся! Ишь, в полушубке, да ещё тулуп напялил. Нечего вшей парить. — И мощным рывком встряхнул усатого из тулупа.

— Не цапай! — свирепо закричал тот. — Чать, не купил!

Но парень легко отшвырнул усатого в угол кузова и укутал Леночку вместе с чемоданом.

— Во... Теперь доедешь. — И отвернулся, сразу забывая о ней. — Давай закурим, — протянул он пачку «Беломора» усатому.

— Можно и без рук. Ишь, лапы распустил! Я и сам бы дал, — проворчал тот, но папиросу взял.

А Леночка смотрела сквозь мех воротника на этих непонятных ей людей, которые только что чуть не подрались, а сейчас мирно беседовали о каких-то своих, не известных ей делах, и ей снова стало жутко и жалко самоё себя.

Пожалуй, тогда впервые Леночка искренне пожалела, что провалилась на вступительных экзаменах в институт. «Бывают же счастливые... А я...» — тоскливо думала она, согреваясь. И ей долго ещё было и страшно и тоскливо на новом месте. Ещё долго не могла она привыкнуть к непонятному, шумному миру таёжной стройки, испугавшему её в первый день морозным просёлком и девственной грубоватостью парней попутчиков. Потом стала привыкать. Заново познакомилась в общежитии с Валеркой. И стройка, и первая в жизни работа стали чем-то нужным, необходимым, без чего был бы пустым расплеснувшийся в тайге и за её пределами яркий многоликий мир.

Вспомнив недавнее, Леночка улыбнулась, и искоса поглядывавший на неё Валерка насупился.

— Что... я такой смешной... Да?

— Нет. Я девчонок вспомнила, — почему-то постеснялась сказать правду Леночка.

— М... м... Девчата как девчата.

И Леночка опять улыбнулась, подумав, что подруги сейчас сидят в комнате, а может быть,

навалились на подоконник, высматривая её возвращение.

Конечно, они говорят сейчас о ней. Говорят по-разному, неодинаковыми словами, но всё равно об одном и том же. Порывистая, похожая на цыганку, Ирка, конечно, опять грозит выйти замуж за кого попало, хотя всем известно, что на днях приезжает её жених, которого она любит и ни на кого никогда не променяет. И всё равно пугливая курносая Зина пугается, умоляет её не делать глупостей, доказывает, что вот она, Зина, хоть и некрасивая, но «за кого попало» никогда не пойдёт. Мнительная Надежда тоже хочет высказать своё душевное, девичье, но передумывает, вздыхает и, кривя губы, говорит девчонкам, что они мокрицы или что-нибудь в этом духе. Но что бы девчонки ни говорили, они думают сейчас о ней, Леночке. Ведь они такие же недавние десятиклассницы, они тоже недавно перестали бояться тайги и привыкли к новой работе. Они тоже часто думают о своей жизни, хотят настоящего счастья, и в судьбе Леночки стараются, может быть, угадать и своё будущее.

Поэтому они сидят сейчас в комнате, говорят разные слова, а сами с одинаковой радостью и тревогой ждут Леночку. Они, как и себе, хотят ей счастья...

— Ну, ты уж привыкла? Не боишься больше тайги? — снова заговорил Валерка.

— Не боюсь.

— А народ ничего, нравится?

— Ничего. Жить можно.

— Факт, можно, — приободрился Валерка. — Народ — что надо... хоть и водку, бывает, пьёт, зато честный... Таёжное дело такое — без креп-

кого слова да без чарки в стужу когда и не обходится.

— А ты тоже водку пьёшь? — с ехидцей спросила Леночка, вспомнив, что Валерка в майский праздник хватил лишнего и вместе с компанией приятелей попал в постройкомовскую стенгазету.

— Я? Не... Я только в праздник разве... — Валерка сконфузился и сердито заехал огромной пятернёй во встрёпанный чуб.

По выражению его лица Леночка поняла, как проклинал он сейчас себя за всю эту историю с выпивкой.

Впереди, за раздвинувшимися стволами сосен и берёз стала видна строительная площадка. Ещё несколько десятков шагов, и на расчищенном от леса пространстве во всю ширь раскрылась перед ними панорама стройки. Глубокие котлованы, на дне которых, опустив железные хоботы на грунт, как бы изумляясь своей неподвижности, отдыхали работяги-экскаваторы; неуклюжие, клыкастые бульдозеры и скреперы тесной кучкой столпились у дощатой прорабской будки; а дальше, над вырастающими из земли стенами и причудливыми сплетениями металлоконструкций, краны: большие и малые, козловые, мостовые, башенные...

Леночка быстро отыскала взглядом изящную стрелу своей машины: не раскачивает ли её ветром? Нет. Застопоренный кран бездвижной громадой застыл над рождающимся остовом будущей обогатительной фабрики, гордо взнеся в золотисто-голубую высь свою стальную руку. Тишина. Только сбоку из приземистого, длинного здания временной электростанции слышится негромкое похлюпывание работающего дизеля. Здание это когда-нибудь будет лабораторией, а

сейчас здесь сердце стройки: блок-электростанция, сооружённая предприимчивыми механизаторами из нескольких дизелей, снятых с передвижных электростанций и смонтированных в одном здании.

Большая энергия ещё не пришла сюда.

Где-то, за сто километров отсюда, энергостроители подняли уже первые мачты высоковольтной электролинии, но здесь это приземистое здание пока одно даёт жизнь стройке, её могучим, умным машинам.

Сегодня воскресенье — работает только один дизель, он даёт энергию в посёлок строителей, а завтра блок-станция взвояет во все свои мощные стальные глотки, заполнит грохотом тайгу, даст силу и жизнь бездвижным сейчас кранам, бетономешалкам, сварочным умформерам...

— Ты не думай... Я не пьяница... — смущённо и виновато бормочет Валерка. — По мне она хоть есть, хоть нет — эта водка... Так... в праздник... за компанию выпиваю... А и не выпью, так мне всё равно... У нас в деревне все в праздник пьют: и мужики, и бабы, и ребятня тоже... Дурацкий обычай. Тьфу! Я в армии за три года разу в рот не брал. Не веришь, да?

— Верю, — улыбнулась Леночка.

— И хоть бы что. Хоть бы раз потянуло. Точно! — повеселел Валерка. — Меня с неё, проклятой, мутит и воротит... — Он снова взял Леночку за руку. — Ежели выпил — знай, всю ночь козла дразнить будешь.

— Как это «козла дразнить»?

— А это по-нашему... Ну... Тошнить, значит, будет... — впервые за утро улыбнулся Валерка. Леночка залиvisto захохотала.

Переждав, когда она кончит смеяться, Валерка сделал над собой усилие и опять попробовал заговорить о главном.

— Знаешь, Лена... Я тебе хотел сказать... Собственно, это и хотел сегодня... Поговорить в общем... — Он замялся, стыдясь нелепой бесвязности собственных слов.

Леночка начала волноваться.

«Ну говори же! Говори! Я знаю, какой ты хороший! Говори же наконец!» — хотелось крикнуть ей, но она молчала и покорно ждала того, что непременно, сейчас должно было быть между ними сказано.

— Я давно хотел сказать тебе... — путаясь, продолжал Валерка. — Это самое...

Хриплый крик о помощи прервал его, и, разом обернувшись, они увидели, как из здания электростанции, отчаянно размахивая горящими руками, выскочил человек, покрутился на месте, потом упал на землю и дымящимся клубком покатился по утопанной глине. Пока Леночка, замерев на месте, осознала происшедшее, Валерка огромными прыжками добежал до здания и, скинув свой модный пиджак, стал сбивать им пламя с упавшего дизелиста.

— Бей тревогу! Станция горит! — оглушительно рявкнул он подбежавшей следом Леночке, и его огромные глаза свирепо сверкнули, когда она подалась было не в ту сторону.

Подскочив к подвешенному на проволоке рельсу, Леночка стала часто-часто бить по нему кривым тяжёлым ломом, не думая, что и зачем делает. «Сгорит! Сгорит! Сгорит!» — отдавался в её мозгу каждый удар по рельсу. Сгорит! Её взгляд упал на вознёсшуюся к небу стрелу башенного крана, и только сейчас её как молнией

поразило значение этого слова. Значит, завтра послушная ей стальная рука крана и другие машины...

Леночка беспомощно оглянулась на открытую дверь электростанции, из которой валил густой чёрный дым, и вдруг, бросив лом, стремительно рванулась в помещение, чуть не сбив с ног Валерку, окунавшего в пожарную бочку с водой обмякшее тело дизелиста. Что она подумала тогда, Леночка впоследствии не могла вспомнить. Вдохнула на пороге густой, сажистый, угарный дым, от которого сразу больно ударило в виски, и кинулась в клубящиеся сумерки. Оглядевшись, увидела большой квадратный бак, из которого с потрескиванием вырывался жёлто-красный куст чадного пламени, а дальше, возле стены, вдоль всего машинного зала ручейком тянулась узкая полоска огня.

«Что же делать?» Из памяти разом улетучились все слышанные когда-то на курсах правила борьбы с пожаром. В глаза бросился закреплённый на стене большой топливный бачок, из которого к двигателям поступало горючее. Как раз под ним и полыхало в квадратном баке пламя. И Леночка содрогнулась: как только языки пламени достигнут этого бачка, будет взрыв... «Накрыть! Накрыть!» — заметалась она вдоль шеренги мощных дизелей и, схватив попавший ей под руку резиновый коврик, бросилась к потрескивающему пламени, набросила на него коврик, привалившись грудью и коленками, стала прижимать его к краям бака, из которого рвались жгучие языки пламени.

«Края... Края... Воздух не пускать...» — твердила себе Леночка, плотнее припадая к коврику. Густой, едкий дым забивал горло, нос, и что-то

нич
Воздух
противно, мутное, тяжёлое зашевелилось в груди. Перед глазами поплыли радужные круги... «Воздух не пускать», — почти засыпая, повторила Леночка, но острая боль в боку и в руке заставила её отпрянуть от бака. Прожжённая резина, корчась в ядовитом весёлом пламени, свалилась с бака, и оттуда ещё выше ахнула жёлто-красная шапка огня. Откуда-то сбоку вдруг выскочил Валерка и, оттолкнув ногой чадающую резину, нашвырнул на бак кошму.

— Прижимай! — крикнул он и опять исчез в дыму, подхватив багром горящий коврик.

Леночка опять кинулась к баку и, обжигая колени о его горячие стенки, стала зажимать кошмой языки пламени. Вот эти языки становятся всё уже, уже, тоньше, и, наконец, последний жадный красноватый язычок, проскочив по краю кошмы, исчез, а Леночка, как оцепенелая, прилипла к баку, и ей всё казалось, что из него продолжает рваться наружу страшный, багровый, обжигающий зверь. Что-то комком стало в горле, мутная тошнотная пелена наплывала на сознание. «Как бы не угореть», — вяло подумала Леночка.

Будто сквозь сон она смотрела, как, ловко орудуя лопатой, Валерка закидал песком остатки пламени, как набежавшие откуда-то люди открыли окна и заглушили продолжавший ритмично гремять дежурный дизель. Когда в наступившей тишине её под руку выводили из помещения, Леночка ещё раз оглянулась на бак, с которого скинули дымящуюся кошму, и, не увидев огня, подумала, что так оно и должно быть.

Глотнув чистого, как родниковая вода, лесного воздуха, она остановилась около угла здания и долго, жмурясь, смотрела на группки

людей, бегущих по дороге и лесными тропинками от жилого посёлка к стройплощадке. Почувствовав слабость, она села на кучу щебня, тут же, возле электростанции, и стала безучастно наблюдать за увеличивающейся толпой.

А люди всё подбегали и подбегали. Они шумели, что-то кричали, пробовали протолкнуться вперёд и заглянуть в окна, потом окружили подошедшую санитарную машину и, мешая друг другу, стали усаживать в неё обожжённого, пришедшего в себя дизелиста. Леночка смотрела, и ей нисколько не было обидно, что никто на неё не обращает внимания, что в «санитарке» отправили одного только дизелиста.

— Чёртов сын! — сипло ругался у дверей электростанции усатый низкорослый крепыш в вышитой косоворотке. — Вчера дизтопливо недоброкачественное привезли. Я наказал, чтобы поганый отстой из топливного бачка слил, бачок и фильтры промыл. А он? Отстой в бак слил и курить вздумал, а?! Чуть всё не сжёг, чёртов сын!

«Кто это? — старалась Леночка вспомнить усатого. — Кто же это? А... Старший дизелист с электростанции. Тот, с которого зимой тулуп...» Леночке стало совсем плохо, её начало тошнить.

Когда она пришла в себя и огляделась, напротив неё сидел на корточках усатый, а за ним стояла примолкшая, многолюдная толпа. Под уважительными, сочувственными взглядами молчаливых людей Леночка смутилась, отёрла в уголках глаз слезинки и попробовала улыбнуться.

— Ну что, девушка, легче? — ласково просипел усатый и протянул ей алюминиевую кружку с водой. — Выпей от угару-то. Может, поможет. Леночка отпила глоток.

— Не больно? Не шибко обожглась?

— Нет, — вздохнула Леночка и, оглядев толпу, увидела отёртого назад, к стене здания, Валерку. Он смотрел на неё несмело, изумлённо, будто впервые увидев, какая она есть, и виновато помаргивал большими ясными глазами. В его взгляде Леночка уловила это новое, незнакомое ей выражение и от этого почему-то испуганно замерла. «Что это он? — подумала она. — Глядит как-то... Как на чужую...» Боясь, как бы кто не заметил, куда она смотрит, Леночка опустила глаза и посмотрела на прожжённое во многих местах и грязное платье, на обляпанные горелой резиной туфли, на обожжённую, красную, некрасивую кожу рук. Посмотрела, потом потрогала больно саднящие ожоги и вдруг заплакала. Заплакала не от боли, не оттого, что так стало жалко и платье, и туфли...

— Вот-те чёрт, — растерялся усатый.

Толпа разногласно загудела.

Откуда-то сбоку к Леночке поднырнула Надежда.

— Брось нюни, Ленка. Слышь, — затормошила она её. — Ну что ты... Такое дело сделали! — И, взглядевшись в грустное Леночкино лицо, растерялась: — Ну что ты... а? Из-за чего?

И Леночка поняла, о чём спрашивает Надежда. Подняв на неё мокрые глаза, ответила взглядом: «Нет. Ничего он мне не сказал». И заплакала ещё горше.

— Ну, не плачь, Ленка. Слышь? Не реви, говорю. Я тебе своё платье отдам. То, с васильками... — попробовала говорить как обычно, с кривинкой, но вместо этого жалостливо заморгала Надежда. — Слышь, не реви, а то я сама заплачу. — И она вправду заплакала, стыдливо отво-

рачиваясь от людей, приоткрыв рот и по-детски растягивая уголки губ.

Толпа заволновалась сильнее. Все глядели на Леночку.

— Больно девке...

— Да помогите вы девчонке, аптечка-то есть!

— Вот чёрт, — запрыгал на месте усатый. — И «санитарку» отправили...

Леночка дула на обожжённые руки, смотрела на безнадежно испорченные платье и туфли и плакала. Ей было жалко их. Больно горели руки, но всё же плакала она не от этого. Ей было обидно за несбывшееся предчувствие счастья, за напрасную радость ожидания и ещё за что-то такое, что казалось безвозвратно потерянным, как это платье, эти туфли и это радостное золотистоголубое утро, которое уже не повторится, так как Валерка теперь никогда не скажет то, что он хотел сказать...

Где-то рядом остановилась автомашина, и сквозь толпу к куче щебня протиснулся низенький седой человек в синей парусиновой куртке. Узнав его, люди расступились. Он подошёл к Леночке и наклонился над ней.

— Эта, что ли?

— Эта. Маленькая.

— Девчонка станцию спасла, а у них лекарства в аптечке от рук нету! — зашумели в толпе. — И «санитарку» отправили!

Леночка подняла заплаканные глаза и увидела перед собой начальника строительства. Старик снял очки и, пригладив сухонькой рукой её волосы, шуря неожиданно добрые, близоручие глаза, тихо спросил:

— Больно, беленькая, да?

И оттого, что этот самый главный в тайге человек, герой труда, лауреат, казавшийся ей всегда педантичным и недоступным сухарём, заговорил с ней такими добрыми и участливыми словами, Леночке захотелось плакать ещё больше. Она хотела сказать, что ей не больно, но откуда-то сбоку Ирка сердито крикнула:

— Больно. Ясно, больно! Девчонка единственное доброе платье сожгла!

— Кто это сказал? — сердито выпрямился старик. — Кому там платьем белый свет закрыло? Ну?

Ирка испуганно нырнула за чужие спины.

— Королевой тайги оденем. Понятно?

Вокруг одобрительно загалдели.

— А где тут другой? — всё ещё сердито вздёргивая лохматыми бровями, спросил начальник.

По людскому скопищу прошло движение, слышались добродушные смешки, и дюжие руки без особой почтительности вытолкнули вперёд вопревшего, лохматого, закопчённого Валерку.

Старик подавил улыбку и без удивления сказал:

— А... а... Сучков.

— Ага, — неловко затоптался Валерка.

— Ожоги есть?

— Вроде нету. — Валерка растопырил широкие ладони, и все увидели вздувшиеся на запястьях большие волдыри.

Валерка удивился им больше всех.

— Машину пропустите сюда! — скомандовал начальник и снова наклонился к Леночке.

— Ну, красавица, плакать не надо. Не геройское это дело!

Леночка согласно кивнула головой и попыталась улыбнуться, но при виде вздохмаченного Валерки слёзы потекли ещё обильнее. «Ну, брось... Постыдись... — уговаривала она себя. — Все об общественном, а ты всё о своём... Какая ты всё же эгоистка!» Улыбки не получилось, и думать о спасённых дизелях вовсе не хотелось.

Толпа расступилась, и к куче щебня подкатила новенькая коричневая управленческая машина.

— Отвезите в больницу, чтобы обмыли, перевязали... и всё как положено! — наказал начальник шофёру. — Я позвоню. Понятно?

Шофёр весело отковырял и ловко распахнул заднюю дверцу.

— Погорельцы, прошу!

Валерка откачнулся в сторону, чтобы пропустить Леночку раньше себя, но шофёр уже распахнул и переднюю дверцу.

— Дама... Виноват! Королева тайги — на переднее сидение!

Валерка растерянно замаялся, но вдруг, когда Леночка пошла мимо, неожиданно взял её за локоть и решительно пробасил:

— Не пойдёт такое дело... На заднем лучше. Дама эта... королева... Или как там... Со мной сядет! — И потянул Леночку за собой на заднее сидение.

Леночка растерянно села рядом, а по толпе пробежал одобрительный, добродушный смешок.

— Ну, не плакать, белянка! До свадьбы всё заживёт, — улыбнулся начальник строительства.

— Я не плачу, — слабо улыбнулась Леночка, чувствуя, как испаряются с ресниц и щёк непрошенные слёзы.

На электростанции снова запустили двигатель. Из двери выскочил усац в косоворотке и, помахав над головой горящей электрической лампой-переноской, заплясал на пороге.

— Пор-ря-до-чек! Пор-ря-до-чек! — выкрикивал он.

Толпа разом отхлынула от машины к зданию.

— Видишь? Светит! Значит, порядок... Значит, работать будем! — качнул седой головой старик и почему-то стал протирать очки.

— Да, — сказала Леночка, хотя думала совсем о другом.

Она почувствовала, как придвинулся сзади к ней Валерка и как он осторожно и ласково погладил её локоть. Когда машина тронулась, Леночка в последний раз оглянулась на радостно толпящихся вокруг электростанции строителей и вздохнула: «А я всё о своём... Нет, я вправду эгоистка». — И замерла, почувствовав на шее горячее дыхание Валерки.

Сердце Леночки учащённо заколотилось от вновь прихлынувшего вдруг предчувствия счастья, и, откинувшись на крутое, сильное Валеркино плечо, она поняла, что обязательно услышит сейчас одно из самых важных слов в своей жизни.

У
лась
Вал
брос
Все
ты
дум
ла
ши
вяз
ник
зад
тит
па
ре
Ле
ко
Д
ся
си
п
за
ч
ш
2

Владимир Васильевич Волосков

ЭГОИСТКА

Редактор *С. М. Гинц*. Художник *В. Н. Аверкиев*. Художественный редактор *М. В. Тарасова*. Технический редактор *К. Г. Сукманова*.
Корректор *Э. К. Актищева*

Подписано к печати 24/X 1962 г.

Формат бумаги 84×108^{1/2} 0,375 бум. л.
0,75 печ. л. Уч.-изд: 0,9 л.

ЛБ08417 Тираж 60 000 экз. Цена 3 коп.

2-я книжная типография облполиграфиздата
Пермь, ул. Коммунистическая 57. Заказ 979.